Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 58
Warszawa 2023
Article No. 3024

Citation:
Шилов, В. (2023). Языковой ландшафт Закарпатской области как части Украины: Понятие, проблемы и новые подходы. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, *58*, Article 3024. https://doi.org/10.11649/sfps.3024
Shilov, V. (2023). IAzykovoĭ landshaft Zakarpatskoĭ oblasti kak chasti Ukrainy: Poniatie, problemy i novye podkhody. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, *58*, Article 3024. https://doi.org/10.11649/sfps.3024

DOI: 10.11649/sfps.3024

Володимир Шилов
(Сегедский университет, Сегед)

Языковой ландшафт Закарпатской области как части Украины: понятие, проблемы и новые подходы

Не секрет, что в Закарпатской области, расположенной на западе Украины, можно услышать немалое количество языков, помимо государственного украинского. Причин этому явлению несколько:

1) изменения в языковой политике во времена существования тут разных государств. В одном только XX в. здесь минимум шесть раз менялся доминирующий язык:
- до 1919 года – венгерский;
- с 1919 по 1938 – «чехословацкий»;
- с 1938 по 1939 – украинский;
- с 1939 по 1944 – венгерский;
- с 1944 по 1991 – русский;
- с 1991 – украинский;

2) богатый национальный состав региона (прежде всего украинцы, венгры, румыны, евреи и др.);

3) языковое взаимодействие с соседними государствами – Венгрией, Румынией, Словакией, Польшей;

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.en), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2023.
Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk]

4) языковые приоритеты отдельных граждан в разные исторические периоды (напр., русофильское, украинофильское, русинофильское направления);

5) развитие туристической отрасли как для гостей из других частей Украины, так и из-за границы.

Таким образом, сейчас в Закарпатской области государственный украинский язык находится в постоянном контакте со следующими языками и языковыми группами:

1. С другими славянскими языками:
   а) с русским (в таком случае можно говорить о языковых отношениях в пределах одной подгруппы славянских языков – восточнославянской);
   б) со словацким и польским (т.е. языковые отношения между разными подгруппами славянских языков – западнославянской и восточнославянской).
2. С венгерским (финно-угорская группа).
3. С румынским (романская группа).
4. С английским (германская группа) и прочими языками.

Все вместе они формируют весьма интересную языковую картину, в связи с чем целесообразно использовать понятие "linguistic landscape" (в переводе с английского – «языковой/лингвистический ландшафт»). Языковой ландшафт (в дальнейшем «ЯЛ») – это совокупность уличных письменных знаков, которые можно встретить на определенной местности. Сюда можно отнести практически все, что можно увидеть на просторах какого-нибудь населенного пункта, региона или даже страны. Это могут быть, к примеру, официальные таблички с названиями улиц и площадей, дорожные знаки, рекламные вывески, объявления, граффити и многое другое. Впервые термин был представлен в работе Лэндри и Бурхиса в 1997 году (Landry & Bourhis, 1997).

Закарпатская область – это один из регионов Украины, поэтому ЯЛ Закарпатья необходимо прежде всего рассматривать в контексте всей страны. Украинский ЯЛ уже успел заинтересовать многих исследователей, в частности, Ольгу Бевер (Bever, 2010), Светлану Льнявский-Экелунд (L'nyavskiy-Ekelund, 2016) и Анету Павленко (Pavlenko, 2009, 2010, 2012). Отдельно хотелось бы отметить последнего автора, поскольку Павленко применяет в своих работах важные термины, о которых речь пойдет ниже. Кроме того, есть новые статьи по ЯЛ Западной Украины, куда также входит

Закарпатье. К примеру, Тамара Козак исследовала англоязычный колорит города Львова (Козак, 2019), а Наталья Матвеева сравнивала языковые приоритеты в Тернополе со столичным Киевом (Матвеєва, 2022).

На сегодняшний день хорошо известна языковая ситуация в Закарпатской области, в связи с чем можно отметить, например, диссертацию Галины Шумицкой (Шумицька, 2021). Что же касается ЯЛ Закарпатья, то здесь существует много работ от Степана Черничко (Черничко, 2014, 2019), Золтана Кормочи (Karmacsi, 2019), Корнелии Гиреш-Ласлов (Гіреш-Ласлов, 2015; Hires-László, 2019) и других языковедов. Главным недочетом при анализе ЯЛ данного региона, по мнению Палади, является то, что этнографы и языковеды, как правило, интересуются лишь «своими» людьми и языками: венгерские исследователи – проблемами венгерского меньшинства края, румынские – румынского меньшинства и т.д. (Палади, 2014, с. 229). Таким образом, упускается важнейший момент – исследование ЯЛ как единой картины, а не только отдельных составляющих этого «пазла». Тот факт, что венгерские лингвисты, по большей части, интересуются лишь проблемами своих соотечественников за рубежом, отмечает также Глеб Пилипенко. Вопросы же функционирования других языков в регионе остаются недостаточно изученными, если этому вообще уделяется внимание (Пилипенко, 2014, с. 247).

Пожалуй, первой и пока единственной попыткой всестороннего анализа ЯЛ Закарпатья является диссертация Леся Белея (Белей, 2012). Однако, несмотря на обширный набор данных, собранный из всех основных населенных пунктов Закарпатской области и учитывающий практически все присутствующие в регионе языки, все-таки не до конца ясна практическая ценность этого и многих других трудов по ЯЛ (не только закарпатского, но и вообще) для лингвистики и смежных с ней дисциплин.

Дело в том, что по сей день большинство работ, как правило, ограничиваются лишь сухой констатацией фактов существования (либо же отсутствия, притеснения) того или иного языка на определенной местности. Целью подобных трудов, в основном, является следующее:

1. Критика и выявление недостатков проведения языковой политики конкретных государств (такую цель часто преследуют, например, представители венгерского меньшинства Закарпатья по отношению к Украине).

2. Наглядное демонстрирование постколониального синдрома для наций, родные языки которых по-прежнему вынуждены бороться за жизнь с некогда «популярными» здесь другими языками (типичная ситуация для стран бывшего СССР, в т.ч. Украины).

Ни в коем случае не преуменьшая значимости представленных выше проблем, невольно хочется задать вопрос: «Неужели исследования ЯЛ должны ограничиваться только этими задачами?». Для того, чтобы ответить на него, необходимо прежде всего ознакомиться с существующими на данный момент идеями в этой области.

Начнем с теории Сколлонов (Ron Scollon и Suzie Wong Scollon) о том, что доминантные или предпочтительные языки обычно появляются «ранее» в многоязычной надписи (т.е. сверху, слева) или же по центру (Pavlenko & Mullen, 2015, с. 121). К сожалению, данная теория не снискала особой популярности. Павленко и Маллен объясняют это тем, что есть масса других факторов, определяющих «статус» того или иного языка (Pavlenko & Mullen, 2015, с. 122):

- размер шрифта;
- расположение текста (нижняя строка, оформленная более крупным шрифтом и/или на уровне глаз, может быть прочитана быстрее);
- направленность письма (слева направо или справа налево).

Данные по Закарпатской области лишь подтверждают вышесказанное. К примеру, на фот. 1 видим объявление, где украинское (или русское) слово «продаю» находится сверху[1]. Однако, помимо его венгерского аналога “eladó” чуть ниже, здесь также есть текст, который доступен только на венгерском – “érdeklődni az udvarban (15/3 lakás)” (рус. «спрашивать во дворе (квартира 15/3)»).

Фот. 1. Двуязычная (украинско-венгерская или русско-венгерская) надпись со сравнительно большим количеством информации на венгерском языке

Кажется вполне очевидным, что если на языке из «непредпочтительной» нижней позиции имеется больше информации (как в случае с фот. 1), то едва ли в данном случае уместно говорить о «доминантном» статусе языков,

[1] Все фотографии сделаны автором статьи.

исходя исключительно из их расположений на надписи. Надо отметить, что таких «нелогичных» примеров в Закарпатье можно встретить предостаточно.

Павленко также приводит классификацию элементов ЯЛ. Прежде всего, это разделение на официальные надписи, отражающие языковую политику «сверху-вниз» (“top-down”), и на коммерческие или неформальные надписи, т.е. «снизу-вверх» (“bottom-up”) (Павленко, 2017, сс. 497–498). Среди обширного количества материала, взятого на улицах закарпатских городов, предпочтение отдавалось надписям из категории “bottom-up”. Сюда можно отнести владельцев магазинов (продуктовых, ювелирных, магазины одежды и т.д.), частных предпринимателей (офисы, фабрики, агентства и др.), а также обычных людей, которые вывешивают разного рода объявления («ищу», «продам», «сниму» и т.п.). Как утверждают Лэндри и Бурхис, языковое разнообразие знаков “bottom-up” «реальнее отражает многоязычие конкретной территории» (L'nyavskiy-Ekelund, 2016, с. 98). Поэтому нет никакого смысла детально останавливаться на знаках “top-down”, ведь они лишь свидетельствуют об официальном государственном курсе, связанным, в случае с Закарпатьем, с укреплением позиций украинского языка.

Одной из главных особенностей надписей “bottom-up” является то, что в них гораздо чаще встречаются ошибки. Таким образом, на украиноязычных и русскоязычных надписях в Закарпатской области можно найти:

1. Нестандартное написание букв кириллицы, хотя именно на ней построена азбука государственного украинского языка. Сюда входит путаница латинских букв с кириллическими (напр., “b” и «в», “N” и «И», “R” и «Р»), а также некорректное использование символов кириллицы. К примеру, на фот. 2 видим неправильное написание маленькой буквы «в» в слове «Київська» (*«Київська», рус. «Киевская»).

Фот. 2. Написание украинского слова «Київська» как «Київська»

2. Смешение букв украинского и русского алфавитов. Несмотря на то, что оба этих языка строятся на кириллице, а подавляющее большинство букв в данных азбуках совпадают, здесь также бывают исключения. Так, некоторые элементы русского алфавита отсутствуют в украинском («Ъ», «Ы», «Э», «Ё») и наоборот (напр., букв «Є», «І», «Ї» нет в современной русской азбуке). Тем не менее, это обстоятельство не мешает жителям Закарпатской области использовать буквы одного славянского языка в другом. Например, на фот. 3 в украинском тексте находим русскую букву «Э» в слове «працюэмо» (*«працюємо онлайн», рус. «работаем онлайн»).

Фот. 3. Написание украинского слова «працюємо» как «працюэмо»

3. Влияние венгерского языка на украинский и русский, а именно: путаница с согласованием в роде в конструкциях «прилагательное/причастие + существительное» (в венгерском языке нет грамматической категории рода), отсутствие смягчения или лишнее смягчение согласных (венгерские согласные не различаются по твердости и мягкости), использование именительного падежа после предлогов (венгерские послелоги в большинстве случаев сочетаются с номинативом) и т.д. Пилипенко отмечает, что многие из подобных ошибок допускают не только украинско-венгерские, но еще словенско-венгерские и сербско-венгерские билингвы из Прекмурья и Воеводины соответственно (Пилипенко, 2017, сс. 103–104).

Помимо разделения уличных надписей на категории “top-down” и “bottom-up”, Павленко также отделяет временные знаки от постоянных (Павленко, 2017, с. 497). Постоянные надписи, как правило, делаются из прочных материалов, таких как камень, металл или пластик. Временные же

обычно производятся из бумаги или других хрупких материалов, в связи с чем они вскоре могут стать неразборчивыми из-за погоды (Pavlenko, 2012, сс. 45–46). Павленко утверждает, что временные надписи «менее подвержены официальной языковой политике» (Pavlenko, 2009, с. 264).

Стоит добавить, что здесь не так важно разделение на постоянные и временные знаки, как именно материал, на котором изготовлена та или иная надпись. Практика показывает, что тексты, написанные, скажем, ручкой или маркером на обычной бумаге, чаще обнаруживают факты, которые автор вряд ли планировал демонстрировать широкой публике. Речь идет, в частности, об ошибках. Рассмотрим пример с обувной мастерской, где поначалу не видим ничего особенного, но, если приглядеться, на дверях можно заметить небольшой текст, написанный небрежным почерком и с ошибками (фот. 4).

Фот. 4. Украиноязычная надпись с ошибками на дверях обувной мастерской

Учитывая, что автор этой маленькой надписи, по-видимому, брал за основу украинский язык, прежде всего можно выделить слово «обо» (*«або», рус. «или»). В украинской и русской речи нет венгерского звука [a],

который произносится как средний между «А» и «О», поэтому для венгров это различение может даваться сложно. Другие ошибки: «як, що» (*«якщо», рус. «если»), «обув» (*«взуття», рус. «обувь»), «перезвоть» (*«передзвоніть», рус. «перезвоните») и «находимос» (*«знаходимось», рус. «находимся»).

Еще одним важнейшим моментом, на который обращает внимание Павленко, является процесс коммодификации языков (language commodification), под которым автор понимает превращение языков в товар и их функционирование на глобальном уровне. По ее мнению, языковая политика перестала быть прерогативой государственных органов и стала инструментом для получения прибыли. Любопытно, что коммодификация предусматривает не только появление «стильных и модных» английских слов, но также использование языка клиентов и покупателей, т.е. языковую аккомодацию (linguistic accommodation) (Павленко, 2017, с. 495). Это явление можно проследить и в Закарпатье, где, к примеру, одна и та же сеть супермаркетов, помимо украинского, использует разные языки в Мукачево (английский) и Берегово (венгерский), хотя расстояние между двумя этими городами составляет около 30 км (фот. 5). Причина, очевидно, кроется в существенно большем проценте венгерского населения в Берегово.

Фот. 5. Двуязычные графики работы одной сети супермаркетов: на украинском и английском в Мукачево (слева), а также на украинском и венгерском в Берегово (справа)

Наконец, Павленко применяет исторический подход в своих работах. Она отмечает, что ЯЛ – это диахронический процесс, и смысл сегодняшних лингвистических явлений нельзя полностью понять, не принимая во внимание исторические данные (Pavlenko, 2010, с. 133). В случае с Киевом, она делит источники информации по ЯЛ на несколько исторических периодов, начиная с IX в. и заканчивая современными

данными (Pavlenko, 2010, сс. 135–148). Павленко приходит к выводу, что языковые изменения – это прямой результат смены политических режимов (Pavlenko, 2010, с. 148).

Исторический подход, как пишут Берегсаси и Черничко, способствует выяснению аспектов языковой политики и языковой идеологии не только соседствующих в пространстве государств, но и стран, сменяющих друг друга во времени (Берегсасі & Черничко, 2020, с. 17). Чтобы убедиться в этом, достаточно просто увидеть архивные фотографии Закарпатья, или даже поискать такие раритетные надписи в современных закарпатских городах. Так, на фот. 6, сделанной в Ужгороде, можно увидеть вывеску с «чехословацким» и венгерским языком (судя по всему, первой половины XX в., но сохранившейся по сей день).

Фот. 6. Ретро-вывеска магазина в Ужгороде на «чехословацком» и венгерском языках

Современный ЯЛ города Ужгород выглядит совсем по-другому и большинство надписей теперь оформлены на украинском, иногда на русском, английском, еще реже на венгерском. Касательно чешского языка, то он используется здесь исключительно в ретро-заведениях для подчеркивания богатой истории региона, что, видимо, очень нравится туристам.

Учитывая, что исследования ЯЛ проводятся разными учеными в разных странах уже более 20 лет, необходимо уже сейчас задуматься, какие существуют пути дальнейшего развития этой дисциплины. Очевидно, что на сегодняшний день есть все возможности расширить сферу изучения ЯЛ, используя новые методы и подходы. Таким образом, работы будут обладать большей практической ценностью, что, в свою очередь, позволит связать понятие ЯЛ с большим кругом лингвистических (и не только) специальностей, к примеру:

1) выявления неких закономерностей, которые затем можно использовать на уроках;

2) история и историческая лингвистика – диахронический анализ ЯЛ с применением исторических данных (архивных фотографий, письменных памятников, печатей, почтовых марок и т.д.);

3) социология, география – анализ особенностей, присущих определенной местности. Например, для Закарпатья – это «двойное» восприятие времени, связанное с изменением часовых поясов в регионе из-за смены государств: центральноевропейское время (в период Австро-Венгрии, Чехословакии) и восточноевропейское (ныне официальное время в Украине). Данная особенность прекрасно отражается в ЯЛ Закарпатской области, поскольку некоторые магазины считают нужным уточнять время (киевское или «местное») на своих графиках работы.

Как показывает исследование, Закарпатье идеально подходит для внедрения передовых методов изучения ЯЛ. Здесь уникальнейшим образом сочетаются такие факторы, как географическое положение, исторические особенности и современное многоязычие. Вполне возможно, что именно Закарпатская область предоставит тот необходимый материал, который позволит исследованиям по ЯЛ выйти на новый уровень. Однако, несомненно, что, в связи с полномасштабным вторжением России на украинские земли 24 февраля 2022 года и последующими военными действиями, ЯЛ данного региона в настоящее время подвергается серьезным изменениям. Так, например, количество вывесок на русском языке в Закарпатской области (так же, как и по всей Украине) стремительно сокращается, а популярность государственного украинского языка, наоборот, растет большими темпами. Это обстоятельство лишний раз подтверждает динамичный характер ЯЛ.

Библиография

Белей, Л. Л. (2012). *Мовний ландшафт Закарпатської області України початку XXI ст.* [Unpublished doctoral dissertation]. Нац. акад. наук України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України.

Берегсаці, А., & Черничко, С. (2020). *Гроші та (мовна) політика: Візуальна конструкція мовної політики на банкнотах на території сучасного Закарпаття*. Termini Egyesület.

Гіреш-Ласлов, К. (2015). Роль мови у виникненні етнічних кордонів у місті Берегово. *Філологічний часопис*, *2015*(1), 13–20.

Козак, Т. М. (2019). Англомовний колорит лінгвістичного пейзажу українського міста (на основі аналізу мовного ландшафту Львова). *Філософія та політологія в контексті сучасної культури*, *11*(2), 77–82. https://doi.org/10.15421/351920

Матвеєва, Н. (2022). Особливості білінгвальних практик жителів Києва й Тернополя. *Мова: Класичне – модерне – постмодерне*, *2022*(8), 83–99. https://doi.org/10.18523/lcmp2522-9281.2022.8.83-99

Павленко, А. (2017). Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом. *Вестник Российского университета дружбы народов: Серия. Лингвистика*, *21*(3), 493–514. https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-493-514

Палади, А. (2014). Языки межэтнической коммуникации в закарпатском Солотвине в XX-ом веке: Венгерский, русский, украинский? In E. Bárány & I. Csernicskó (Eds.), *Українсько-угорські міжмовні контакти: Минуле і сучасність / Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene* (pp. 227–245). Видавництво В. Падяка.

Пилипенко, Г. (2014). Второязычная речь закарпатских венгров: Социолингвистический и структурный аспект. In E. Bárány & I. Csernicskó (Eds.), *Українсько-угорські міжмовні контакти: Минуле і сучасність / Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene* (pp. 246–265). Видавництво В. Падяка.

Пилипенко, Г. (2017). Українська мова закарпатських угорців. In A. Márku & E. Tóth (Eds.), *Többnyelvűség, regionalitás, nyelvoktatás: Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból III.* (pp. 100–107). «RIK-U».

Черничко, С. (2014). Мовна політика і мовний ландшафт сучасного Закарпаття в історичному плані (1900–1944 рр.). In E. Bárány & I. Csernicskó (Eds.), *Українсько-угорські міжмовні контакти: Минуле і сучасність / Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene* (pp. 48–66). Видавництво В. Падяка.

Черничко, С. (2019). Роль громадських активістів у формуванні мовного ландшафту та мовної політики. In I. Csernicskó & A. Márku (Eds.), *A nyelvészet műhelyeiből: Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból V.* (pp. 125–134). Autdor-Shark.

Шумицька, Г. (2021). *Мовна ситуація на Закарпатті в 1991–2020 роках: Регіональний вимір мовної політики* [Unpublished post-doctoral dissertation]. Київський національний університет імені Тараса Шевченка.

Bever, O. A. (2010). *Linguistic landscapes of post-Soviet Ukraine: Multilingualism and language policy in outdoor media and advertising* [Unpublished doctoral dissertation]. University of Arizona.

Hires-László, K. (2019). Linguistic landscapes in a western Ukrainian town. *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy*, *10*(1), 87–111. https://doi.org/10.14267/CJSSP.2019.1.5

Karmacsi, Z. (2019). Linguistic landscape of Transcarpathia's tourism. In I. Csernicskó & A. Márku (Eds.), *A nyelvészet műhelyeiből: Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból V.* (pp. 101–124). Autdor-Shark.

Landry, R., & Bourhis, R. Y. (1997). Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, *16*(1), 23–49. https://doi.org/10.1177/0261927X970161002

L'nyavskiy-Ekelund, S. A. (2016). *Ukrainian language policy: The status of Russian in English language medium Ukrainian and Russian newspapers and in the linguistic landscape of four regions* [Unpublished master's thesis]. Lund University.

Pavlenko, A. (2009). Language conflict in post-Soviet linguistic landscapes. *Journal of Slavic Linguistics*, *17*(1–2), 247–274. https://doi.org/10.1353/jsl.0.0025

Pavlenko, A. (2010). Linguistic landscape of Kyiv, Ukraine: A diachronic study. In E. Shohamy, E. Ben-Rafael, & M. Barni (Eds.), *Linguistic landscape in the city* (pp. 133–150). Multilingual Matters. https://doi.org/10.21832/9781847692993-010

Pavlenko, A. (2012). Transgression as the norm: Russian in linguistic landscape of Kyiv, Ukraine. In D. Gorter, H. F. Marten, & L. Van Mensel (Eds.), *Minority languages in the linguistic landscape* (pp. 36–56). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230360235_3

Pavlenko, A., & Mullen, A. (2015). Why diachronicity matters in the study of linguistic landscapes. *Linguistic Landscape*, *1*(1–2), 114–132. https://doi.org/10.1075/ll.1.1-2.07pav

Bibliography (Transliteration)

Beleĭ, L. L. (2012). *Movnyĭ landshaft Zakarpats'koï oblasti Ukraïny pochatku XXI st.* [Unpublished doctoral dissertation]. Nats. akad. nauk Ukraïny, In-t movoznavstva im. O. O. Potebni NAN Ukraïny.

Berehsasi, A., & Chernychko, S. (2020). *Hroshi ta (movna) polityka: Vizual'na konstruktsiia movnoï polityky na banknotakh na terytoriï suchasnoho Zakarpattia*. Termini Egyesület.

Bever, O. A. (2010). *Linguistic landscapes of post-Soviet Ukraine: Multilingualism and language policy in outdoor media and advertising* [Unpublished doctoral dissertation]. University of Arizona.

Chernychko, S. (2014). Movna polityka i movnyĭ landshaft suchasnoho Zakarpattia v istorychnomu plani (1900–1944 rr.). In E. Bárány & I. Csernicskó (Eds.), *Ukraïns'ko-uhors'ki mizhmovni kontakty: Mynule i suchasnist' / Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene* (pp. 48–66). Vydavnytstvo V. Padiaka.

Chernychko, S. (2019). Rol' hromads'kykh aktyvistiv u formuvanni movnoho landshaftu ta movnoï polityky. In I. Csernicskó & A. Márku (Eds.), *A nyelvészet műhelyeiből: Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból V.* (pp. 125–134). Autdor-Shark.

Hires-László, K. (2019). Linguistic landscapes in a western Ukrainian town. *Corvinus Journal of Sociology and Social Policy*, *10*(1), 87–111. https://doi.org/10.14267/CJSSP.2019.1.5

Hiresh-Laslov, K. (2015). Rol' movy u vynyknenni etnichnykh kordoniv u misti Berehovo. *Filolohichnyĭ chasopys*, *2015*(1), 13–20.

Karmacsi, Z. (2019). Linguistic landscape of Transcarpathia's tourism. In I. Csernicskó & A. Márku (Eds.), *A nyelvészet műhelyeiből: Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból V.* (pp. 101–124). Autdor-Shark.

Kozak, T. M. (2019). Anhlomovnyĭ koloryt linhvistychnoho peĭzazhu ukraïns′koho mista (na osnovi analizu movnoho landshaftu L′vova). *Filosofiia ta politolohiia v konteksti suchasnoï kul′tury*, *11*(2), 77–82. https://doi.org/10.15421/351920

Landry, R., & Bourhis, R. Y. (1997). Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, *16*(1), 23–49. https://doi.org/10.1177/0261927X970161002

L′nyavskiy-Ekelund, S. A. (2016). *Ukrainian language policy: The status of Russian in English language medium Ukrainian and Russian newspapers and in the linguistic landscape of four regions* [Unpublished master's thesis]. Lund University.

Matveieva, N. (2022). Osoblyvosti bilinhval′nykh praktyk zhyteliv Kyieva ĭ Ternopolia. *Mova: Klasychne – moderne – postmoderne*, *2022*(8), 83–99. https://doi.org/10.18523/lcmp2522-9281.2022.8.83-99

Paladi, A. (2014). IAzyki mezhėtnicheskoĭ kommunikatsii v zakarpatskom Solotvine v XX-om veke: Vengerskiĭ, russkiĭ, ukrainskiĭ? In E. Bárány & I. Csernicskó (Eds.), *Ukraïns′ko-uhors′ki mizhmovni kontakty: Mynule i suchasnist′* / *Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene* (pp. 227–245). Vydavnytstvo V. Padiaka.

Pavlenko, A. (2009). Language conflict in post-Soviet linguistic landscapes. *Journal of Slavic Linguistics*, *17*(1–2), 247–274. https://doi.org/10.1353/jsl.0.0025

Pavlenko, A. (2010). Linguistic landscape of Kyiv, Ukraine: A diachronic study. In E. Shohamy, E. Ben-Rafael, & M. Barni (Eds.), *Linguistic landscape in the city* (pp. 133–150). Multilingual Matters. https://doi.org/10.21832/9781847692993-010

Pavlenko, A. (2012). Transgression as the norm: Russian in linguistic landscape of Kyiv, Ukraine. In D. Gorter, H. F. Marten, & L. Van Mensel (Eds.), *Minority languages in the linguistic landscape* (pp. 36–56). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230360235_3

Pavlenko, A. (2017). IAzykovye landshafty i drugie sotsiolingvisticheskie metody issledovaniia russkogo iazyka za rubezhom. *Vestnik Rossiĭskogo universiteta druzhby narodov: Seriia. Lingvistika*, *21*(3), 493–514. https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-493-514

Pavlenko, A., & Mullen, A. (2015). Why diachronicity matters in the study of linguistic landscapes. *Linguistic Landscape*, *1*(1–2), 114–132. https://doi.org/10.1075/ll.1.1-2.07pav

Pilipenko, G. (2014). Vtoroiazychnaia rech′ zakarpatskikh vengrov: Sotsiolingvisticheskiĭ i strukturnyĭ aspekt. In E. Bárány & I. Csernicskó (Eds.), *Ukraïns′ko-uhors′ki mizhmovni kontakty: Mynule i suchasnist′* / *Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene* (pp. 246–265). Vydavnytstvo V. Padiaka.

Pylypenko, H. (2017). Ukraïns′ka mova zakarpats′kykh uhortsiv. In A. Márku & E. Tóth (Eds.), *Többnyelvűség, regionalitás, nyelvoktatás: Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból III.* (pp. 100–107). "RIK-U".

Shumyts′ka, H. (2021). *Movna sytuatsiia na Zakarpatti v 1991–2020 rokakh: Rehional′nyĭ vymir movnoï polityky* [Unpublished post-doctoral dissertation]. Kyïvs′kyĭ natsional′nyĭ universytet imeni Tarasa Shevchenka.

The Linguistic Landscape of the Transcarpathian Region as Part of Ukraine: Concept, Problems and New Approaches

Summary

Transcarpathia (Zakarpattia) is one of the most interesting regions of Ukraine. It was part of at least six different states only in the twentieth century, and thus language priorities were subject to frequent changes. As a result, there are inscriptions in Ukrainian, Russian, Hungarian, English, Romanian, Czech and many other languages there today. This makes the linguistic landscape of Transcarpathia worth analysing. The concept of "linguistic landscape" is no longer new for Ukraine and for Transcarpathia in particular, which allows us to highlight the advantages and disadvantages of previous works on the topic. The article is illustrated with photographs taken by the author in the Transcarpathian region of Ukraine.

Krajobraz językowy Zakarpacia jako części Ukrainy: pojęcie, problemy, nowe podejścia

Streszczenie

Zakarpacie to jeden z najbardziej interesujących regionów Ukrainy. Tylko w XX wieku znajdowało się w granicach sześciu różnych państw, co skutkowało częstymi zmianami priorytetów językowych w regionie. W rezultacie na terenie Zakarpacia można znaleźć napisy w języku ukraińskim, rosyjskim, węgierskim, angielskim, rumuńskim, czeskim oraz wielu innych. Dlatego uzasadnione jest przeprowadzenie analizy krajobrazu językowego tego regionu. Pojęcie „krajobrazu językowego" nie jest już nowe dla Ukrainy, a zwłaszcza dla

Zakarpacia, co pozwala nam podkreślić zalety i wady wcześniejszych badań. Tekst został zilustrowany fotografiami wykonanymi przez autora artykułu na terenie obwodu zakarpackiego w Ukrainie.

Keywords: linguistic landscape; historical linguistics; Slavic studies; Ukraine; Transcarpathia

Słowa kluczowe: krajobraz językowy; językoznawstwo historyczne; slawistyka; Ukraina; Zakarpacie

Volodymyr Shylov, University of Szeged, Szeged, Hungary
ORCID: https://orcid.org/0009-0009-1036-600X
Correspondence: volodymyrshylov@gmail.com

The preparation of this article was financed within the statutory activities of the University of Szeged.

Competing interests: The author has declared that he has no competing interests.

Publication history: Received: 2023-03-31; Accepted: 2023-10-03; Published: 2023-12-31